

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2016–2017 учебный год

Региональный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Михаил Зощенко

Великие путешественники

Когда мне было шесть лет, я не знал, что земля имеет форму шара.

Но Стёпка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

– Земля есть круг. И если пойти всё прямо, то можно обогнуть всю землю, и всё равно придёшь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Стёпка ударил меня по затылку и сказал:

– Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестрёнкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Стёпке перочинный ножик.

Стёпке понравился ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Стёпка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

– Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдёт на речку стирать, мы сделаем, что задумали. Мы пойдём всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернёмся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушёл целый год. Леля сказала:

– А если, Стёпочка, мы встретим индейцев?

– Что касается индейцев, – ответил Стёпа, – то индейские племена мы будем брать в плен.

– А которые не захотят идти в плен? – робко спросил я.

– Которые не захотят, – ответил Стёпа, – тех мы и не будем брать в плен.

Леля сказала:

– Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Стёпка сказал:

– Три рубля нам безусловно хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будем жарить на костре.

Стёпка сбежал в сарай и принёс оттуда большой мешок из-под муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далёких путешествий. Мы положили в мешок хлеб, и сахар, и кусочек сала, потом положили разную посуду – тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомойник и увеличительное стёклышко для зажигания костров. И, кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Стёпкина мать ушла на речку полоскать бельё, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Стёпкина собачка Тузик. За ней шёл Стёпка с громадным мешком на голове. За Стёпкой шла Леля со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шёл я.

Мы шли около часа.

Наконец Стёпа сказал:

– Мешок дьявольски тяжёлый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несёт этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его. Но она недолго несла, потому что выбилась из сил. Она бросила мешок на землю и сказала:

– А теперь пусть Минька понесёт.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжёлым.

Но я ещё больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причём я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул я. И хотя я был лёгкий, тем не менее я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Леля и Стёпка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Стёпка свистнул собаку и хотел её приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика.

Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал всё сало.

Тогда Стёпка велел всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли ещё два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Стёпка решил сделать привал. Он сказал:

– Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Стёпка сел у дороги, протянув вперёд ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как пирог. И я, по совету Стёпки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья.

Перед тем как пойти дальше, Стёпка выкинул из мешка почти всё, что там было, и мы пошли налегке.

Я шёл позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и ныла. Леля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо.

Но Стёпка запретил нам об этом и думать. Он сказал:

– Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе.

Задрав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть.

Стёпка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Стёпка извлёк из мешка увеличительное стёклышко, чтобы разжечь костёр.

Но, не найдя на небе солнца, Стёпка приуныл. И мы тоже огорчились.

И, покушав хлеба, легли в темноте.

Стёпка торжественно лёг ногами вперёд, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Стёпка захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал тёмный лес и шум деревьев. Сухую ветку над головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Леля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце ещё не взошло.

Леля шёпотом сказала мне:

– Минька, пока Стёпка спит, давай повернём его ноги в обратную сторону. А то он заведёт нас куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Стёпку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Стёпкина голова описала полукруг.

Но от этого Стёпка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы и он зовёт нас на помощь.

Мы стали ждать, когда Стёпка проснётся.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

– Хороши бы мы были, если б я лёг ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Стёпка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба и двинулись в путь.

Дорога была знакома. И Стёпка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

– Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что всё повторяется, так как земля есть круг.

Позади раздался скрип колёс. Это какой-то дяденька ехал на телеге.

Стёпка сказал:

– Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в неё сесть.

Мы быстро покатали. И ехали не больше часа.

Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Стёпка, раскрыв рот из изумленья, сказал:

– Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Стёпка ещё больше изумился, когда мы подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Сомненья не оставалось – это была наша пристань, и к ней только что подошёл пароход.

Стёпка прошептал:

– Неужели же мы обогнули землю?

Леля фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку – они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила.

Мы побежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

– Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Леля сказала:

– Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

– Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

– Всё хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

– Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорот мама. А Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

– Порка – это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети небось и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

– У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, – ну что это такое!

Папа сказал:

– Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать всё, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Стёпки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чём не бывало.

Остаётся ещё сказать несколько слов о Тузике.

Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился.

Прибежав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера.

А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне – остаётся покрытым мраком неизвестности.

Что касается меня, то во сне я увидел тигра, которого я убил выстрелом из рогатки.

1934

Евгений Винокуров

Земные пределы

Есть похоть беспредельности – ходьба.

По валунам, по пахоте, по межам.

Какая это радость, что судьба

Тебя случайно уродила пешим!

И коль в ходьбе ты понимаешь смак,

Иди, тоской пространственной влекомый...

На горном склоне задремавший мак

Тебя встречает, как знакомый.

А что там путь? Переставленье ног
До той черты, где облаков престолы.
И ты идёшь, велик и одинок.
Тебя вбирают вглубь себя – просторы.

И, наконец, усвоенный совсем
И без остатка растворясь в пейзаже,
Ты станешь вдруг невидим, глух и нем...

Но это ты и не заметишь даже.

1965

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2016–2017 учебный год

Региональный этап

Первый тур

10 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Юрий Олеша

Наташа

Старичок сел за стол, накрытый к завтраку. Стол был накрыт на одного. Стояли кофейник, молочник, стакан в подстаканнике с ослепительно горячей в солнечном луче ложечкой и блюдечко, на котором лежали два яйца.

Старичок, севши за стол, стал думать о том, о чём он думал всякий раз, когда садился утром за стол. Он думал о том, что его дочь Наташа плохо к нему относится. В чём это выражается? Хотя бы в том, что почему-то она считает необходимым, чтобы он завтракал один. Она, видите ли, его очень уважает, и поэтому ей кажется, что его жизнь должна быть обособленной.

– Ты известный профессор, и ты должен жить комфортабельно.

«Дура, – думает профессор, – какая она дура! Я должен завтракать один. И должен читать за завтраком газеты. Так ей взбрело в голову. Где она это видела? В кино? Вот дура».

Профессор взял яйцо, опустил его в серебряную рюмку и щёлкнул ложечкой по матовой вершинке яйца. Его всё раздражало. Конечно, он вспомнил о Колумбе, который что-то такое проделал с яйцом, и это его тоже разозлило.

– Наташа! – позвал он.

Наташи, разумеется, не было дома. Он решил поговорить с ней. «Я с ней поговорю». Он очень любил дочь. Что может быть лучше белого полотняного платья на девушке. Как блестят костяные пуговицы! Она вчера гладила платье. Выглаженное полотняное платье пахнет левкоем.

Позавтракав, старичок надел панаму, перебросил пальто через руку, взял трость и вышел из дому.

У крыльца его ждал автомобиль.

– Дмитрий Яковлевич... куда поедет? – спросил шофёр. – Туда?

– Туда, – сказал профессор.

– Наталья Дмитриевна велела передать...

Шофёр протянул профессору конвертик. Поехали. Профессор, подпрыгивая на подушках, читал письмо:

«Не сердись, не сердись, не сердись. Я побежала на свидание. Не сердись, слышишь? Штейн очень хороший парень. Он тебе понравится. Я его тебе покажу. Не сердись? Нет? Ты завтракал? Целую. Вернусь вечером. Сегодня выходной, ты обедаешь у Шатуновских, так что я свободна».

– В чём дело, Коля? – спросил вдруг профессор шофёра. Тот оглянулся.

– Вы, кажется, смеётесь?

Ему показалось, что шофёр смеётся. Но лицо шофера было серьёзно. Однако это не снимало подозрения, что шофёр смеялся в душе. Профессор считал, что шофёр в заговоре с Наташей. Франт. Носит какие-то удивительные – цвета осы – фуфайки. Он называет меня «Мой старик». Я знаю, что он сейчас думает: «Мой старик не в духе».

Автомобиль ехал по загородной дороге. Навстречу неслись цветущие деревья, изгороди, прохожие.

«Она мне покажет Штейна, – думал профессор. – Штейн хороший парень. Хорошо, посмотрим. Я ей сегодня скажу: “Покажи мне Штейна”».

Затем старичок шел по колено в траве, размахивая тростью.

– Пальто? Где пальто? – вдруг спохватился он. – Где пальто? Ага... в машине забыл.

Он шёл в гору, немного запыхался, снял панаму, вытер пот, посмотрел на мокрую ладонь, опять пошёл, ударяя по траве тростью. Трава с блеском ложилась.

Уже появлялись в небе парашюты.

– В прошлый раз я здесь стоял? Здесь.

Он остановился и стал смотреть, как появляются в небе парашюты. Один, два, три, четыре... Ага... и там ещё один, и ещё... Что это? Раковина? Как они наполнены солнцем! Высоко. Но говорят, что страх высоты исчезает... А-а... вот он, вот!.. Полосатый! Смешно. Полосатый парашют.

Профессор оглянулся. Внизу стоял синий, маленький, длинный, похожий на капсулю, автомобиль. Там цвели и колыхались деревья. Всё было очень странно и похоже на сновидение: небо, весна, плавание парашютов. Старичок испытывал грусть и нежность и видел, как через трещинки в полях панамы к нему проникает солнце.

Так он простоял довольно долго. Когда он вернулся домой, Наташи не было. Он сел на кушетку в позе человека, который сейчас поднимется, и просидел так час. Потом встал, уронив пепельницу, и пошёл к телефону. И действительно, в эту секунду телефон позвонил. Профессор в точности знал, что ему скажут, он только не знал, какой ему скажут адрес. Ему сказали адрес. Он ответил:

– Да я и не волнуюсь. Кто вам сказал, что я волнуюсь?

Через десять минут страшной гонки по улицам старичок надевал белый стучащий халат и шёл по длинному паркетному полу.

Открыв стеклянную дверь, он увидел смеющееся лицо Наташи. На середине подушки. Потом он услышал, как сказали: «Ничего страшного». Это сказал стоявший у изголовья молодой человек. На нём был такой же халат.

– Неправильно приземлилась.

Она повредила ногу. Всё было странно. Почему-то, вместо того чтобы говорить о несчастье, начали говорить о том, что профессор похож на Горького, только Горький высокого роста, а профессор маленького. Все трое и ещё женщина в халате смеялись.

– Неужели ты знал? – спросила Наташа.

– Ну конечно, знал. Я каждый раз приезжал, стоял, как дурак, в траве и смотрел!

Тут только старичок заплакал. Заплакала и Наташа.

– Зачем ты меня волнуешь! – сказала она. – Мне нельзя волноваться!

И плакала всё больше, положив руку отца под щеку.

– Я думала, что ты мне не позволишь прыгать.

– Эх ты, – сказал профессор, – обманывала меня. Говорила, что на свидание ходишь. Как это глупо. Я, как дурак, стоял в траве... Стою, жду... когда полосатый раскроется...

– Я не с полосатым прыгала! С полосатым Штейн прыгает!

– Штейн? – спросил старичок, опять рассердившись. – Какой Штейн?

– Это я Штейн, – сказал молодой человек.

1936

Николай Гумилёв

Андрей Рублёв

Я твёрдо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,

Обетованному Творцом.

Нос – это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб – как свод небесный,
И кудри – облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста – как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Всё это кистью достохвальной
Андрей Рублёв мне начертал,
И в этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2016–2017 учебный год

Региональный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Юрий Трифонов

Голубиная гибель

Однажды утром, уже одевшись, в шапке, Сергей Иванович подошёл к окну, чтобы посмотреть, какова погода и надевать ли галоши, и увидел голубя. Голубь был похож на борца: могучая спина и крохотная головка. Он сидел на узеньком железном отливе и, склонив головку набок, косым, шпионским взглядом засматривал в комнату. День был сырой, всю ночь шёл мокрый снег, окна запотели, и голубь не много смог увидеть через стекло.

Он увидел грязную вату между рамами, пролежавшую там ползими и успевшую почернеть от копоти; две поллитровые стеклянные банки на подоконнике, одну с клюквой, другую с кислой капустой, и на одной банке он увидел блюдо, на котором лежал кусочек масла в вощёной бумаге; и верёвочную авоську, прицепленную к замку форточки и висевшую между стеклами, в которой хранилось несколько сморщенных сосисок. И ещё он увидел старое, заметно опухшее со сна лицо Сергея Ивановича, его седые брови, немигающий взгляд и жёлтые от табака пальцы с широкими, плоскими и тупыми ногтями, почёсывающие подбородок. Это увидел голубь. А Сергей Иванович увидел то, что привык видеть по утрам в течение многих лет: семиэтажную пропасть, кирпичную, с дождевыми потёками изнанку дома, и крыши напротив, утыканные трубами и антеннами, и внизу, на дне пропасти, – туманный, заваленный серым снегом двор, беззвучную суетню людей, бегущих по утренним своим делам кто куда. И голубя на карнизе. Дымчато-синего, с розоватым отливом, цвета остывшей после горна стали. Станный неожиданный гость! Никто поблизости не держал голубей, и вдруг – пожалуйста.

Сергей Иванович, размышляя, продолжал чесать ногтями подбородок. Потом стукнул по стеклу мундштуком трубки. Голубь подёргал туда-сюда головкой, но не двинулся с места.

– Глянь-ка, мать, кто к нам залетел, – сказал Сергей Иванович. – А погода собачья, хуже вчерашнего.

Он зажёл трубку, сунул ноги в галоши и вышел поспешно, ибо уже запаздывал минуты на три против обычного. А Клавдия Никифоровна, проводив мужа до входной двери, вернулась в комнату, подошла к окну и тоже увидела голубя, прибитого непогодой. Внизу, на дворе, чернела мокредь. По стеклу змейками сочился истаявший снег. «Ах ты господи, склизь-то какая, – огорчилась Клавдия Никифоровна. – И верно, хуже вчерашнего». Она открыла форточку и бросила на карниз горсть хлебных крошек, думая о своём старике: как бы не поскользнулся дорогой.

...Жили одиноко. Сын Федя погиб на войне, дочка с мужем, механиком по автоделу, лет девять назад завербовалась на Север да так и прикрепилась там, писала редко. Сергей Иванович, несмотря на года – седьмой десяток на половине, – трудился на той же фабрике, где полжизни отработал, теперь, правда, не мастером в кроватном цехе, а кладовщиком в инструментальной кладовке. А Клавдия Никифоровна хозяйство вела. Хотя какое в Москве хозяйство? В «Гастроном», да в молочную, да сапожнику обувь снести.

Клавдия Никифоровна и пригрела нечаянного голубя: начала подкармливать мимоходом, а потом и привыкла. Ядрицу для него покупала, булку крошила, обязательно белую: от чёрной голубь клюв воротил. Сергей Иванович шутил: что, мать, забаву нашла? Скоро, спрашивал, на крышу полезешь – свистеть в два пальца и тряпкой махать?

Шутил-шутил, а приходя с работы, стал, между прочим, интересоваться:

– Ну, как наш иждивенец? Прилетал нынче?

Голубь прилетал ежедневно и вскоре совсем освоился на седьмом этаже и даже голубку привёл, белую, как молочный кипень, с чёрными глазками в аккуратных янтарных оболочках. Когда потеплело и можно было открыть окно, Сергей Иванович смастерил – так, скуки ради, чтоб руки занять, деревянный ящик с круглым очком и выставил на карниз:

– Вот вам, уважаемые, квартира от Моссовета. И безо всякой очереди.

В квартире этой скоро запищал птенец, беленький, в мамашу, очень прожорливый и ленивый. Через месяц он стал размером со взрослого голубя, но всё ещё не умел ворковать и летал, как курица.

Особенно полюбились голуби соседской Маришке, девочке лет девяти, которая по болезни неделями не ходила в школу и слонялась, скучая, по большой, безлюдной в дневные часы квартире, не зная, чем заняться. Клавдия Никифоровна жалела эту Маришку – бледненькую, на тонких мушиных ножках, всегда зазывала её к себе, и та

сидела у окна, грызла морковку и смотрела на голубей. А родители Маришкины были люди занятые, пропадали на работе до вечера: Борис Евгеньевич работал библиотекарем в самой главной библиотеке, а Агния Николаевна учила в школе, в старших классах. И была ещё у них бабушка, Софья Леопольдовна, старушка лет под восемьдесят, совсем почти глухая, но ещё крепкая, на ногах – на всех готовила и в магазины ходила.

Весна между тем забирала круче.

Расталкивая облака, гуляло над городом влажное синее небо. В овощном магазине, где всю зиму торговали консервами и чёрной картошкой, появился парниковый лук. По утрам мимо окна проносились стремительные, пугавшие Клавдию Никифоровну серые тени, внизу ухало, наверху гремело железо: рабочие сбрасывали снег с крыши.

Несколько тёплых апрельских дней дотла сожгли хоронившийся кое-где снег, залили Москву мутной быстрой водой, но солнце высушило эту сырость очень скоро, и к маю тротуары были сухи. В мае на балконе седьмого этажа появился мальчик в бордовом свитере и в зелёных брюках от лыжного костюма. Мальчик готовил на балконе уроки. Он сидел на стуле, положив одну толстую ногу на другую, и, жмурясь от солнца, что-то зубрил и царапал карандашом в тетрадке. Но чаще он держал карандаш во рту, делая вид, что курит трубку, или же строгал карандаш ножичком, а заодно подравнивал ножичком стул. Время от времени из двери высывалась рука и протягивала мальчику бутерброд или яблоко. Съев яблоко, мальчик метал огрызок в балкон четвёртого этажа, целясь в алюминиевое ведро, стоявшее там, и, если выстрел бывал удачным, ведро отзывалось гулким колокольным звуком. Иногда он просто кидал огрызок вниз, наобум, и, дожидаясь немного, выглядывал через перила: в кого попал?

А скоро мальчик обнаружил голубей, стал приходить на балкон с рогаткой и стрелять в голубей абрикосовыми косточками и кусочками цемента, которые он отколупывал от балкона. Сергей Иванович как-то заметил это, пристыдил из окна:

– Эй, дяденька большой, ты что ж хулиганишь?

Мальчик засмеялся, покраснел и убежал в комнату.

Однако через день или два мальчик вновь появился на балконе и вновь готовил уроки и стрелял из рогатки. Потом неделю шли дожди и голуби получили передышку. А в середине мая, когда снова наладилась солнечная погода, однажды утром пришла неожиданная посетительница: высокая молодая дама в шуршащем плаще и с длинным цветастым зонтиком.

– Здравствуйте, я Моргунова из шестого подъезда, – сказала дама, с треском складывая зонтик и входя в коридор. – Я пришла относительно голубей.

– Заходите в комнату, милости просим, – сказала Клавдия Никифоровна.

– Нет, спасибо, я на минутку. Я только насчёт голубей. Голуби ваши, да? Дело в том, что ваши голуби, эти милые существа, играют совершенно роковую роль в нашей семье. Нет, поймите меня правильно! Я против голубей в принципе ничего не имею... – Моргунова говорила таким громким, жизнерадостным голосом, что из своей комнаты вышла соседка Мария Алексеевна, и даже старушка Софья Леопольдовна, – глухая-глухая, а тоже услышала, – приползла из кухни.

Сергей Иванович не сразу сообразил, чего хочет дама с зонтиком. Упорным взглядом исподлобья он рассматривал её полное румяное лицо с маленьким ротиком, красиво обрисованным розовой помадой, её шуршащий переливчатый плащ, сопел трубкой и думал: до чего же народ стал балованный, это на удивленье! И то им не так, и другое, и чёрта лысого не хватает, а как в войну переживали – об этом уж никто не помнит. Вникнув, догадался: дама просит, чтоб голубей убрали. А спроси её – зачем? Почему такое это нужно, чтоб убрать? Кому птицы мешают? Она и не ответит, потому что одна блажь в голове, баловство.

Всё это Сергей Иванович подумал про себя, а в разговоре не проронил ни слова. Клавдия Никифоровна очень вежливо и разумно отвечала даме. Она сказала, что ученику необязательно готовить уроки на балконе и что от голубей никому не может быть беспокойства, если не обращать на них внимания и не шмалять в них из рогатки. Конечно, сказала она, с учениками хлопот довольно, кто говорит. Сама, слава богу, двоих вырастила, и внучка уже в третий ходит, в Мурманске живёт. Конечно, кто говорит: учиться нынче не сахар. Хоть в Москве, хоть где. С ребят требуют очень крепко...

Моргунова сказала, что ей, к сожалению, некогда разговаривать, она должна идти по делам, но напоследок повторила:

– Вы уж, пожалуйста, ваших птиц уберите. Это наша категорическая просьба. А то муж хотел обратиться к общественности.

И, улыбнувшись приветливо, она ушла.

Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна были несколько озадачены последними словами Моргуновой, но, поразмыслив, сочли всё происшествие пустяком, не стоящим внимания. А Мария Алексеевна, женщина деловитая (одиннадцать лет кассиршей на одном месте, в «Гастрономе»), сказала, что она хоть эту Моргунову не знает, но слышала, что у неё в прошлом году работала в домработницах такая Даша, хроменькая, которая сейчас работает у одного профессора в доме, где овощной магазин, и вот она, Мария Алексеевна, однажды познакомилась с этой Дашей в химчистке, и та порассказала ей всякого-разного про этих Моргуновых: сама, говорит, колотит мужа почём зря, и он ей тоже не даёт спуска. Каждую субботу у них гости, выпивка, музыку на полную силу

запускают, так, что соседи стучат в стенку и жалуются. Так что, если она что скажет, можно и про неё сказать. Можно эту Дашу в крайнем случае разыскать, она в доме, где овощной, её там каждый знает, она хроменькая, приметная.

Старушка Софья Леопольдовна тоже была возмущена и кипятилась:

– Какая наглость, вы подумайте! Я бы на вашем месте, Клавдия Никифоровна, ей ответила хорошенько! На мой характер, я бы ей задала перцу, нахалке этакой!

Сергей Иванович махнул рукой и ушёл в комнату. В окно увидел, как по двору идёт Василий Потапович, направляясь к деревянному столу, врытому подле забора, а за столом, в окружении мальчишек, уже сидят старик Колесов и молодой парень Мишаня Жабин, игрок хитрый и прижимистый: собираются воскресного козла забивать. Сергей Иванович играл обычно вечером, когда сходились люди солидные, испытанные годами и злопамятные друг против друга противники. Но сейчас, коли Василий Потапович нацелился играть, да и старик Колесов тут, грех не выйти.

– Пойду, постучу до обеда, – сказал Сергей Иванович, выходя в коридор, где Клавдия Никифоровна продолжала пустой разговор с женщинами. – Позовёшь тогда...

Прошло несколько дней, и Клавдия Никифоровна опять заметила, как мальчишка в голубей стреляет. Только начала она ему выговаривать, как на балконе появилась Моргунова в длинном, из блестящего китайского шёлка халате и, не говоря ни слова – раз! раз! раз! – отхлопала парня по рукам. Тот в слёзы, а Моргунова повернулась к Клавдии Никифоровне и пригрозила на весь двор: если, мол, до завтра голубей не уберёте, будете иметь дело с домкомом.

Сергей Иванович, конечно, и не подумал голубей убирать. Да и куда их? В шкаф? Суп из них варить? Тут, правда, про голубей на короткое время забыли: за Борисом Евгеньевичем пришли ночью и увели. С понятыми. Шум был, топот, разговоры, жильцы, конечно, проснулись, вышли в коридор. Агния Николаевна стояла нечёсаная, белая и смотрела дико, как пьяная, а старушка Софья Леопольдовна кричала в голос. И только Маришка была спокойная, зевала спросонья, Борис Евгеньевич держал её на руках до двери. Жильцы с ним прощались. Клавдия Никифоровна сказала:

– Да что ж это, Борис Евгеньевич?

А он посмотрел, улыбнулся:

– Разве не знаете, Клавдия Никифоровна, я же вчера человека убил!

Потом долго, часа два, Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна не могли заснуть, грели чайник на плитке, обсуждали шёпотом: мог ли Борис Евгеньевич человека убить? Вообще-то он был шутник, скорей всего пошутил. Скорей всего в библиотеке что-нибудь допустил, может, ценные книги портил или ещё что.

Спустя день-другой после этого случая пришёл член домкома Брыкин. Этого Брыкина, полковника в отставке, все в доме хорошо знали: с утра до вечера топтался он во дворе, следил за порядком, подгонял дворников или же сидел в домоуправлении и командовал как общественник слесарями и водопроводчиками, которые ему вовсе не подчинялись и часто даже не желали его слушать, но он никак не мог жить без того, чтобы кем-нибудь не командовать. Было ему лет семьдесят, но оттого, что он днями гулял на свежем воздухе, цвет лица у него был, как у милиционера, очень красный и здоровый. Ещё этот Брыкин ходил по квартирам и воевал с неплательщиками, а на самых злостных писал заявления в те места, где неплательщики работали.

Зайдя в квартиру, Брыкин в первую очередь спросил:

– Сысойкина дома?

– Нету, – сказала Клавдия Никифоровна.

– Передайте, что если в течение двух дней не оплатит мартовскую жировку, будем разбирать в товарищеском суде. И напишем по месту работы.

– Хорошо, товарищ Брыкин, обязательно передадим. А мы-то уж давно!

– Вы-то – я знаю. Насчёт вас тоже есть разговор. Можно к вам пройти?

Не дожидаясь ответа, Брыкин шагнул в комнату, сразу к окну, посмотрел на голубей и сказал:

– Это надо убрать, граждане. Соседи протестуют, из шестьдесят второй квартиры. Согласно положению не имеете права.

– Согласно какому такому положению? – спросил Сергей Иванович, который недавно пришёл с работы и сидел за столом, пил чай.

И тут же за столом сидела маленькая Маришка и тоже пила чай.

– Имеется положение, – а как вы думали? – если соседи протестуют, то не можете держать никаких домашних животных, и птиц то же самое. Касается одинаково домашних животных или птиц, это безразлично. Могут до штрафа довести, так что советую убрать.

– Ну что ж. – Сергей Иванович вздохнул. – До штрафа мы, конечно, не допустим, товарищ Брыкин. Мы их не заводили, нам что были они, что нет, всё едино. Вот девочка с ними занимается, а нам – что ж, пускай.

– Девочка тем более не ваша. Это не причина.

– Наша, наша, – сказала Клавдия Никифоровна и погладила Маришку по голове.

– Где ж ваша? И масть не та. – Брыкин усмехнулся, передние зубы у него были золотые. Наклонившись к Сергею Ивановичу так, что красные щёки его свесились, как два мешочка, сказал вполголоса: – А приваживать не советую.

Тут в комнату заглянула Агния Николаевна, позвала Маришку ужинать.

– А она уж ужинает, – сказала Клавдия Никифоровна. – Вон как хорошо ужинает.

– Нет, нет, не надо мешать чужим людям, Мариша, скажи спасибо, и пойдём.

Агния Николаевна вошла в комнату, поздоровалась с Брыкиным, на что тот как-то неопределённо, не глядя, кивнул, а может, просто опустил голову и вышло похоже, что кивнул, и взяла Маришку за руку. Но девочка не хотела вставать, неспешно допивала чай с блюдца и заедала баранкой.

– Нам ваша дочка нисколько не мешает, – сказал Сергей Иванович.

– Я понимаю, но у вас люди, а ей пора домой.

– А ничего, пускай чайком погреемся.

– Мариша, я тебя прошу – быстрее!

Все, даже Брыкин, смотрели на девочку, уплетавшую баранку, с улыбкой, только мать стояла мрачно, глядя на дочь совсем не материнском, холодным взглядом.

– Ну? – сказала Агния Николаевна.

– Мам, а дядя говорит, что голубков надо убрать.

– Надо – значит, надо.

– Мам, а мне их жа-алко!

– Мало ли что жалко. Вставай! Скажи спасибо, и пойдём. Нас бабушка ждёт. – И она потянула Маришку за руку из-за стола.

– Да, да, голубков ваших надо убрать непременно, – сказал Брыкин.

Бледное личико Маришки вдруг скривилось, глаза закрылись, и она заревела. Клавдия Никифоровна стала её успокаивать, совала баранку. Сергей Иванович тоже встал из-за стола, Агния Николаевна тащила Маришку силой, а та ревела всё отчаянней. Агния Николаевна не говорила ни слова, лицо её как будто застыло, и только у самых дверей она вдруг стала кусать губы.

Брыкин сказал, когда мать и дочь скрылись:

– Ну и соседи у вас! – И покрутил головой. – А насчёт птиц не затягивайте. К завтраму чтоб.

Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна особенно не огорчились: жили без голубей и проживут. Штраф платить никому неохота. Клавдия Никифоровна сгребла всё голубиное семейство – и птенца великовозрастного, который уже летать начал, – и отнесла вместе с ящиком одному знакомому малому, сыну лифтьёрши. Вот малый обрадовался-то!

Вечером о голубях не говорили. Точно их и не было никогда. После ужина пошли к Марии Алексеевне в дурачка перекинуться. Потом, когда вернулись и уже спать

постелились, старушка Софья Леопольдовна постучала: Маришка плачет, не засыпает, хочет на голубков посмотреть.

– Нету голубков! Всё! Улетели! – сказал Сергей Иванович сердито.

А на другой день, лишь только вошёл Сергей Иванович в дом, Клавдия Никифоровна ему радостно:

– А у нас гости!

– Кто такие?

– Погляди вот...

Очень смеялись в тот вечер Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна.

– Мы-то их жалели, мы-то их кормили, а они нас разорить хотят, под штраф подвести!

Вскоре и малый, лифтёршин сын, прибежал испуганный:

– Тётя Клава, у вас голуби?

– Здесь, здесь. Забирай своё добро и береги лучше...

Отдали ему голубей, а Сергей Иванович взял молоток и подбил железный отлив таким образом, чтобы, если прилетят голуби в другой раз, сесть им было невозможно.

Утром Сергей Иванович прямо из постели, босой, подошёл к окну, глянул мать честная! – голуби тут как тут. Сидеть им нельзя, так они прицепились к железу и повисли. Все трое повисли. И как ухитрились, на чём держались непонятно. Эти висящие голуби выглядели так страшно, жутко и трогательно, что Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна растерялись. Марию Алексеевну с племянником пригласили смотреть и Маришку позвали. Маришка оказалась больной, лежала в постели, вместо неё старушка Софья Леопольдовна пришла совсем согнутая, голова трясётся. Племянник Марии Алексеевны, человек учёный, студент института, сказал, что у голубей действует особенная привычка. Им, сказал, отбиться от вашего окна так же, трудно, как, например, Сергею Ивановичу бросить трубку курить. Старушка Софья Леопольдовна тоже удивлялась, ахала, потом сказала Клавдии Никифоровне шёпотом:

– А у нас беда: Агнию с работы сократили. Как жить будем – не знаю. Книги продаём, ковёр продали... – И громко: – Нет, ваши птицы исключительно редкие! На мой характер, я бы их ни за что не отдала!

Сергей Иванович хмурился, глядя на голубей.

– Ничего, ладно, – ворчал. – Долго не провисят, устанут...

И голуби правда улетали куда-то, но потом возвращались и снова, прицепившись к отливу, терпеливо висели. Так провисели они целый день. И тогда, поражённый этой удивительной преданностью, Сергей Иванович решился: будь что будет, пускай птицы

остаются. Нельзя таких птиц отдавать. Два дня прошли спокойно, а на третий явился Брыкин.

– Что ж, граждане? Акт будем составлять?

Ему показали, что ящика нет и даже отлив подогнут нарочно, и рассказали про лифтершина сына и про то, как голуби возвращаются и висят, окаянные, и сделать с ними ничего невозможно. Брыкин разглядывал висящих голубей, качал головой, и его красные щёки тряслись, как два мешочка. Он спрашивал, который тут голубок и которая голубка, пытался взять их в руки и даже положил несколько крошек на карниз.

Поиграв с голубями, вздохнул, сказал тихо:

– А всё равно, граждане, убрать надо неминуемо. И зачем вам, ей-богу, эту пакость держать, прости господи? Если ради девчонки, то могу сказать вполне ответственно, – он понизил голос, – не жильцы они тут. Ясно?

– Какая девчонка! – Сергей Иванович махнул рукой. – Это нас не касается.

– А нам, видишь, поступило заявление, и мы обязаны прислушаться и принять меры. Так что голуби считаются птица подозрительная, ненужная в наше время. И тем более ученик занимается и они ему мешают.

– Ну, понятно, чего говорить. У вас тоже служба...

– А как вы думали? Легко ли мне, старику, какой раз к вам на седьмой лезть да вниз топать? Одни вы, что ли, у меня? – Красное лицо Брыкина стало ещё гуще, малиново-красным, голос возвысился, белые стариковские глаза с неожиданной злобой уставились в Сергея Ивановича. – Зачем столько уговоров? Пригласить вас повесткой на товарищеский суд, акт составить да штраф вклеить – и вся недолга!

Едва упротер Сергей Иванович отсрочку на два дня.

В субботу вечером Сергей Иванович посадил голубей в корзинку, накрыл тряпкой и поехал на Ленинградский вокзал. Он решил отвезти голубей своей сестре, которая жила за Клином, в ста пяти километрах от Москвы. Клавдия Никифоровна очень тревожилась за своего старика, особенно огорчилась тем, что не заставила Сергея Ивановича надеть вязаную телогрею и взять зонтик. Последнюю неделю зачастили грозовые дожди, в воскресенье тоже была гроза. Клавдия Никифоровна проклинала голубей, соседей, Брыкина, ей мерещились всякие напасти.

Сергей Иванович вернулся за полночь – продрогший, измученный, но довольный и с букетом сирени. Он рассказал, что голуби устроены прекрасно, лучшего и желать нельзя. Обе племянницы, девочки, счастливы до невозможности. Голубям отвели квартиру на чердаке, со всеми удобствами, с окном в сад – не то что ржавый отлив, где

даже сесть некуда. А там-то помещение богатое, простор, воздух, сирень цветёт, воркуй на здоровье хоть сто лет.

– Так что попали наши птахи как в дом родной, – закончил свой рассказ Сергей Иванович, усмехнулся устало. – Теперь уж не воротятся...

Воротились голуби во вторник.

Клавдия Никифоровна плакала, встречая мужа в дверях. Она сказала, что голуби прилетели днём, незадолго перед обедом, и мальчишка уже стрелял в них из рогатки.

Сергей Иванович на цыпочках, боком, подходил к окну, охваченный странным чувством, смесью восторга и испуга. Голуби висели в своей излюбленной позе, опрокинутые навзничь, зацепившись за ржавый отлив. Их крохотные бисерные глаза метали на Сергея Ивановича любовные взгляды.

В третий свой приход Брыкин принёс повестку в товарищеский суд: на субботу, на семнадцать часов, в помещении красного уголка.

Был сухой, жаркий, уже клонившийся к вечеру день начального лета. В пустынном дворе – детвора разъехалась по дачам и лагерям – лёгкий ветер мёл по асфальту невесомый прозрачно-серый тополиный пух. Отдельные пушинки достигали седьмого этажа, залетали в окна, а самые отважные, подхваченные тёплым воздухом, подымались ещё выше, над крышей, над палками антенн, в синее небо. Клавдия Никифоровна смотрела из окна, как её старик плетётся по двору, помахивая корзиной.

Через час он вернулся. Корзина была пуста. Клавдия Никифоровна сразу заметила, что от Сергея Ивановича пахнет вином и у него дрожат руки.

– Отдал? – спросила Клавдия Никифоровна, почему-то испугавшись.

– Не волнуйся, мать. Теперь – всё, порядок... Порядок, мать.

– С какой же ты радости наклюкался? Постой-ка... – Клавдия Никифоровна осторожно сняла прицепившееся к пиджаку Сергея Ивановича маленькое белое пёрышко.

– Это пух, мать. Пух с тополей – поняла? Поняла, старая, чего тебе говорят? Ух ты, мордаха! – Сергей Иванович с глупой пьяной суровостью взял пальцами Клавдию Никифоровну за щёки, сжал их и потряс грубовато, как делал когда-то давно, в молодости. И Клавдия Никифоровна вдруг вспомнила это, что было когда-то, и улыбнулась.

Белое пёрышко, которое она сняла с пиджака, медленно плыло в воздухе, кружилось, снижалось, но ветер из окна подхватил его, и оно взмыло вверх и тихо – никто не заметил – село на плечо Сергея Ивановича.

А потом – что ж?

Было лето, долгое и сухое, была осень с дождями, были холода, испортилось отопление в третьем подъезде, приходил Брыкин, составлял акт, две ночи спали в шубах, Клавдия Никифоровна мучилась с зубами, Агнию Николаевну с девочкой и старушкой Софьей Леопольдовной переселили куда-то на край Москвы, а в их две комнаты вселились новые жильцы, семь человек, все из Тулы, потом зима кончилась, ещё одно лето прошло, объявили амнистию, Сергею Ивановичу назначили пенсию, и он ушёл с работы и теперь садился за домино с раннего утра. Потом вышел приказ насчёт голубей разводить их как можно больше к фестивалю, встречать иностранцев, – и за них теперь не то что штраф, а спасибо говорили. И развелось их видимо-невидимо. Повсюду их кормили, на площадях, во дворах, ходили они стаями, толстые, вперевалку, летать ленились, а только ворковали целодневно да гадили где попало, особенно в углах дворов, по балконам и карнизам, и спасу от их пакости, желтовато-свинцовой, не было никакого. А в плохую погоду Сергей Иванович сидел дома и плёл для удовольствия маленькие корзинки из цветного полиэтиленового провода. Обрезки такого провода – то ли он был телефонный, то ли ещё для каких нужд – приносил Сергею Ивановичу сколько угодно племянник Марии Алексеевны, который уже закончил институт и работал на предприятии.

1968

Примечания

1. Жировка – документ для оплаты коммунальных услуг, квитанция.
2. Моссовет - Московский городской совет — высший орган государственной власти в Москве с 1917 по 1993 гг.

Николай Заболоцкий

Последняя любовь

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустилсЯ устало
Истомлённый работой шофёр.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней,
Пожилой пассажир у куртины

Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращённых друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные лёгкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофёр улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, –
То, что, к счастью, не знали они.

1957

Примечания

1. Куртина – клумба.
2. Аквилегии – цветы семейства лютиковых самых разнообразных расцветок.